

7. Vahstain V.S. Sociologiya povsednevnosti i teoriya freimov. SPb., 2011.
8. Genisaretskii O.I., Ogurcov A.P. Predislovie // Metodologiya nauki i antropologiya / otv. red.: O.I. Genisaretskii, A.P. Ogurcov. M., 2012.
9. Deviantnost' i social'nyi kontrol' v epohu postmoderna. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferencii // Vestnik Orlovskogo gos. un-ta. № 9 (29). 2012.
10. Elfimov A. Antropologiya v raznykh izmereniyakh: predislovie sostavitelya // Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy, paradigmy: sb. st. / red. i sost. A.L. Elfimov. M., 2012.
11. Kasavin I.T. Social'naya ontologiya, konstruirovaniye znaniya i mezhdisciplinarnye issledovaniya // Ontologii artefaktov: vzaimodeistvie «estestvennykh» i «iskusstvennykh» komponentov zhiznennogo mira / pod red. O.E. Stolyarovo. M., 2012.
12. Lektorskii V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. M., 2001.
13. Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna. SPb., 1998.
14. Luman N. Obshestvo kak social'naya sistema. M., 2004.
15. Luman N. Social'nye sistemy. Ocherk obshei teorii. SPb., 2007.
16. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava. M., 2007.
17. Mikeskina L.A. Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy. M., 2002.
18. Mihailov A.M. Genezis kontinental'noi yuridicheskoi dogmatiki. M., 2012.
19. Ogurcov A.P. Filosofiya nauki: dvadcaty vek: Konceptii i problemy: v 3 ch. Ch. 3: Filosofiya nauki i istoriografii. SPb., 2011.
20. Prestupnost', deviantnost' i social'nyi kontrol' v epohu postmoderna // Materialy mezhdunar. nauch.-prak. konferencii / pod red. N.A. Isaeva, A.V. Komarnickogo. SPb., 2014.
21. Radbruch G. Filosofiya prava. M., 2004.
22. Rubel P., Chegrinec M. Issledovatel'skie strategii v sovremennoi amerikanskoi kul'turnoi antropologii: ot «opisaniya» k «pis'mu» // Zhurnal sociologii i social'noi antropologii. 1998. T. 1. № 2. S. 85–101.
23. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya sovremennogo zapadnogo pozitivnogo prava // Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya. Uchebnik dlya vuzov. M., 1999.
24. Social'naya epistemologiya: idei, metody, programma / pod red. I.T. Kasavina. M., 2010.
25. Stepin V.S. Nauchnoe poznanie i cennosti tehnogennoi civilizacii // Voprosy filosofii. 1989. № 10.
26. Stepin V.S. Ot klassicheskoi k postklassicheskoi nauke (izmeneniye osnovanii i cennostnykh orientacii) // Cennostnye aspekty razvitiya nauki. M., 1990.
27. Stepin V.S. Teoreticheskie znaniye. M., 2000.
28. Tarasov N.N. Metodologicheskii problemy yuridicheskoi nauki. Ekaterinburg. 2001. MODE
29. Urri Dzh. Sociologiya za predelami obshestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M., 2012. IAR
30. Harvei P. O preimushestvah strukturnoi marginal'nosti Britanskoi social'noi antropologii // Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy, paradigmy: sb. st. / red. i sost. A.L. Elfimov. M., 2012.
31. Horuzhii S.S. Fonar' Diogena. Kriticheskaya retrospektiva evropeiskoi antropologii. M., 2010.
32. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. SPb., 2012.
33. Chestnov I.L. Konstruirovaniye social'no i pravovoi real'nosti // Konstruirovaniye deviantnosti: monografiya / pod red. Ya.I. Gilinskogo. SPb., 2011.

Межотраслевые исследования как актуальное направление развития современной российской юриспруденции

Кострова М.Б.

кандидат юридических наук, доцент Института права
Башкирского государственного университета

E-mail: kostrovam@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются причины, обуславливающие актуальность проведения межотраслевых исследований в сфере юриспруденции, выделяются существующие в настоящее время группы межотраслевых исследований и дается их краткая общая характеристика. На примере двух отраслевых наук — уголовного и уголовно-процессуального права рассматриваются проблемы, возникающие при проведении межотраслевых исследований, которые оказывают негативное влияние на их результативность. Делается вывод о необходимости преодоления отраслевого монизма как способа рассмотрения межотраслевых вопросов с позиций признания существования ведущей отрасли и отрасли ведомой.

Ключевые слова: юриспруденция, предмет отраслевого исследования, моноотраслевые исследования, межотраслевые исследования, исследования междисциплинарного характера, исследования мультидисциплинарного характера, отраслевой монизм, уголовное право, уголовно-процессуальное право, взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права.

О моноотраслевых исследованиях. Современная отечественная юридическая наука (юриспруденция, правоведение) в основной своей части представлена моноотраслевыми исследованиями, что вполне объяснимо специализацией научного знания. Юриспруденция как совокупность

юридических наук, изучающих право и государство в их разнообразных проявлениях, представляет собой, по сути, комплексную науку, включающую в себя три крупных области (отрасли): 1) теоретические и философские юридические науки; 2) собственно отраслевые юридические науки (по от-

раслям права); 3) прикладные юридические науки¹. Каждая отраслевая юридическая наука сильна, прежде всего, предметом своего исследования и составом исследователей, так как отраслевой подход позволяет ученому-юристу профессионально изучать ту отрасль, специалистом в которой он является, и которая входит в сферу его научных интересов.

Вместе с тем нельзя не заметить, что такой отраслевой подход «расчлняет» цельные явления действительности (право и государство) на отдельные предметные области, обозначаемые в науке как «предмет отраслевого исследования». В связи с этим очевидна недостаточность моноотраслевых исследований и столь же очевидна потребность в исследованиях межотраслевой направленности.

Межотраслевые исследования: краткая общая характеристика. Не отрицая значимость и базовый характер моноотраслевых исследований, полагаю возможным отметить, что исследования межотраслевого уровня, совокупно отражая разные грани феноменологии права и государства, приводят к более целостному представлению о них, способствуют получению нового системного знания о «расширенном» предмете исследования².

К настоящему времени в России имеется небольшое количество работ ученых-юристов, которые можно отнести к межотраслевым исследованиям. Изучение таких работ позволяет подразделить их на три основные группы.

Первую группу — самую многочисленную — составляют исследования, проводимые в рамках одной научной специальности. Например, совсем не редкостью являются историко-теоретические исследования (специальность 12.00.01), либо комплексные исследования по уголовному праву и криминологии, по уголовному и уголовно-исполнительному праву (специальность 12.00.08), по уголовному процессу и криминалистике (бывшая специальность 12.00.09)³. Привлекательность именно таких исследований, особенно для соискателей ученых степеней, состоит в том, что они позволяют, с одной стороны, расширить предмет исследования, за счет чего получить новые научные результаты, а, с другой — не выйти за рамки «своей» научной специальности. Многочис-

ленность работ этой группы, в сравнении со следующими, объясняется, по моему представлению, тем, что жесткая номенклатурность научных специальностей, а также общеизвестная проблематичность защиты диссертационной работы по нескольким научным специальностям удерживают соискателя от соблазна расширять горизонты своих научных изысканий (что хорошо для исследователя, но плохо для науки).

Вторую группу образуют исследования, которые условно можно обозначить как «завуалировано-межотраслевые». Внешние атрибуты таких работ (наименование, шифр научной специальности и т.п.) соответствуют одной научной специальности, никак не свидетельствуя об их межотраслевой направленности, выходящей за рамки заявленной научной специальности. Судить об их межотраслевом характере, как правило, можно лишь ознакомившись с их содержанием. Не оспаривая полезность таких исследований, замечу, что межотраслевая завуалированность весьма негативно сказывается на их результативности: стремясь сохранить «отраслевой образ», авторы вынуждены формулировать цель, задачи, научную новизну своего исследования, положения, выносимые на защиту, выводы и т.п. преимущественно (а иногда и исключительно) в объявленном отраслевом поле. В итоге действительная содержательная комплексность подобных исследований не находит полноценной объективации вовне.

Третья группа представлена исследованиями, проводимыми по прямо заявленным двум или более отраслевым наукам, выходящим за рамки одной научной специальности. Здесь уже нет тех формальных ограничений, которые присущи исследованиям первой и второй группы, поэтому имеется простор для научной мысли, что повышает ее продуктивность. Продуктивность именно таких научных изысканий интегративной межотраслевой или полиотраслевой направленности со всей очевидностью проявляется минимум в двух моментах: во-первых, они позволяют решать более сложные вопросы, постановка и решение которых невозможны в рамках только одной отраслевой науки и даже в рамках только одной научной специальности; во-вторых, результаты таких исследований способствуют выявлению новых граней, общих закономерностей, механизмов взаимодействия и т.п. внутри уже сложносоставного предмета исследования, приближая нас к «цельному» предмету юриспруденции, каковым являются право и государство в их «реальном бытии».

Некоторые проблемы межотраслевых исследований. Не имея возможности в рамках настоящей публикации осветить все сильные и слабые стороны исследований межотраслевой направленности и не ставя перед собой такую задачу, остановимся на двух проблемах, возникающих при их проведении и заметных по их результа-

¹ С их внутренним подразделением. Далее для целей настоящей публикации терминами «отраслевая наука», «отрасль науки» обозначаются науки, названные здесь.

² Наиболее продуктивными представляются исследования междисциплинарного и даже мультидисциплинарного (полидисциплинарного) характера — на стыке юриспруденции и иных отраслей научного знания, поскольку они еще больше расширяют предмет исследования, позволяют привлечь научный потенциал, накопленный в отраслях, достаточно отдаленных от юриспруденции, и использовать присущие им, не традиционные для юриспруденции методы исследования. Однако в силу заявленной тематики данные виды исследований в настоящей публикации не рассматриваются.

³ Существовавшая до начала 2012 г., затем по непонятным причинам разделенная на две специальности: 12.00.09 — Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность и 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

там. В силу личных научных пристрастий автора рассмотрение указанных проблем будет осуществляться на базе двух отраслевых наук — уголовно-го и уголовно-процессуального права⁴.

Первая — отсутствие межотраслевых выводов, удовлетворяющих нужды задействованных отраслевых наук по проблематике исследования. Данная проблема, как думается, возникает при номинальности исследования, то есть когда оно является межотраслевым лишь по названию либо по объявленной автором комплексности, но не по содержательному наполнению и межотраслевой объективности результатов. Авторы таких работ позиционируют свое исследование как «комплексное», но при этом забывают, что комплекс составляет совокупность, сочетание отраслевых предметов исследований, причем равноправных, без деления на главные и второстепенные, ведущие и ведомые и т.п. Проиллюстрируем это на следующем примере⁵.

Поставив целью своего исследования «комплексный анализ института досудебного соглашения о сотрудничестве» (с. 4), автор объявляет: «Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно является одним из первых комплексных межотраслевых исследований теоретических и практических аспектов института досудебного соглашения о сотрудничестве. В отличие от общепринятого подхода данный институт рассматривается через призму межотраслевой интеграции и дифференциации УК и УПК РФ» (с. 7).

Нет возражений против такого подхода, равно как нет и возражений автору в том, что данный институт является комплексным (с. 16), межотраслевым (с. 8, 16), его структура представлена уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормативными предписаниями (с. 8–9, 17–18). Но вместе с тем этот базовый вывод дальше полностью нивелируется явным «креном» в сторону уголовного права, что проявляется в указании на наличие уголовно-правового «ядра» данного института (с. 9), в связи с чем предлагается: а) исключить дефиницию досудебного соглашения о сотрудничестве из п. 61 ст. 5 УПК и закрепить ее в ст. 63¹ УК в новой редакции (с. 9); б) в отдаленной перспективе — отказаться от эксперимента по созданию «гибридного» правового института, определив его юридическую природу исключительно как уголовно-правовую, реализуемую в установленной законом процессуальной форме (с. 17). Такой же уголовно-правовой «крен» наблюдается в обосновании приведенной выше авторской позиции: а) отечественный законодатель вопреки устоявшейся традиции придал рассматриваемому институту преимущественно уголовно-

процессуальное значение, поскольку поместил его дефиницию в п. 61 ст. 5 УПК; б) в результате была нарушена единая система поощрительных норм в УК; в) дисбаланс в формализации досудебного соглашения о сотрудничестве в пользу УПК создает определенные проблемы в использовании юридической терминологии (с. 15); г) помещение дефиниции досудебного соглашения о сотрудничестве в УПК создало уникальный, хотя и сомнительный прецедент, связанный с тем, что нормы материального права не предопределяют содержание процессуального, а напротив, выступают гарантом его реализации (с. 18).

Образно выражаясь, все здесь переставлено с ног на голову. Понимая стремление автора остаться в рамках заявленной специальности 12.00.08, все же полагаю, что нельзя так произвольно и односторонне интерпретировать взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. Приведенные авторские доводы и сделанные на их основе выводы как по отдельности, так и в их совокупности невозможно признать достаточно аргументированными и убедительными, так как они противоречат объективно существующему положению вещей. При выстраивании собственной концепции института досудебного соглашения о сотрудничестве исключительно на основе и в рамках системы поощрительных уголовно-правовых норм, автором не учитывается, что к настоящему времени в УК РФ имеется уже целая группа правил назначения наказания, обладающих особенностью, которая отличает их от всех иных специальных правил (ч. 1 и 3 ст. 62, ст. 64, 66, 68 УК). К их числу относятся правила назначения наказания: 1) при особом порядке принятия судебного решения, установленного гл. 40¹ УПК, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 и 4 ст. 62 УК); 2) при особом порядке принятия судебного решения в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 5 ст. 62 УК, ч. 7 ст. 316 УПК); 3) при постановлении приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме (ч. 5 ст. 62 УК, ст. 226⁹ УПК); 4) при постановлении приговора при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ст. 65). Особенность таких правил заключается в том, что они введены в УК в силу уголовно-процессуальных предпосылок, то есть не потребности уголовно-правового регулирования порождают создание особых процедурных правил, а наоборот, в УК РФ введены специальные правила назначения наказания, особенности которых обусловлены наличием уголовно-процессуальных норм, регулирующих особые процессуальные процедуры на судебной и досудебной стадиях уголовного судопроизводства.

Подобный подход к социальной обусловленности указанных правил еще до предпринятого автором исследования был освещен в уголовно-право-

⁴ То есть без охвата межотраслевых исследований, образующих первую группу.

⁵ См.: Ключников С.С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

вой литературе⁶, но автором позиция сторонников данного подхода никак не контраргументируется.

Как видим, от «комплексности» исследования, «межотраслевой интеграции» и т.п. в итоге не осталось и следа, а межотраслевая результативность оказалась нулевой.

Вторая проблема — неполнота межотраслевых выводов, удовлетворяющих нужды задействованных отраслевых наук по проблематике исследования. Такая проблема возникает, по моему представлению, если исследование действительно является содержательно межотраслевым, но моноотраслевым по авторскому составу. Намеренное нежелание (см. выше о второй группе работ) или неспособность (см. выше о специализации научного знания) выйти из «отраслевого образа», сложность преодоления узкоспециализированного подхода, как правило, предопределяют постановку отраслевых наук в неравное положение. При этом одна из них оказывается в положении ведущей, а другая — ведомой, вследствие чего полученные результаты межотраслевого исследования (все или преимущественно) интерпретируются с позиций «ведущей» отрасли. В качестве иллюстрации рассмотрим следующие примеры.

Анализируя институт давности преступления в диссертации по специальности 12.00.08, автор⁷ приходит к нетрадиционному для уголовного права выводу (с. 196) — о социальной обусловленности этого института, в том числе двуединой идеей уголовно-правовой и уголовно-процессуальной целесообразности: «Суть этой двуединой идеи состоит в том, что государство признает целесообразными уголовно-процессуальную деятельность и применение мер уголовной репрессии к лицам, совершившим преступления, не бесконечно долго, а в пределах установленных им сроков давности, как временной границы, за которой отказывается от запоздалой, а потому неэффективной уголовно-процессуальной деятельности по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, и, соответственно, от запоздалой, а потому неэффективной уголовной ответственности» (с. 11). Причем вывод этот тщательно выверен и объективно подтвержден по всему тексту диссертации исследованием генезиса «уголовной давности» в России (от момента зарождения ее в 1775 г.) и полномасштабным историческим анализом законодательной регламентации института давности преступления со времени его возникновения до настоящего времени.

⁶ См., напр.: Мясикиев А.А. Институт смягчения наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 7; Благоев Е.В. О смягчении наказания по уголовно-процессуальным основаниям // Уголовное право. 2013. № 4. С. 116–121; Кострова М.Б., Соколов И.В. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8). С. 69–82.

⁷ См.: Сагитдинова З.И. Институт давности преступления по уголовному праву России: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2011.

Но если сделать следующий шаг, то можешь оказаться в ином отраслевом поле — 12.00.09, поэтому автор осторожничает и интерпретирует этот весьма ценный, с точки зрения межотраслевой взаимосвязи, вывод уже с позиций «ведущей» отрасли — уголовного права: «По отраслевой принадлежности в системе современного российского законодательства институт давности преступления является внутриотраслевым институтом, состоящим из нормативных предписаний материального уголовного права. Так как в уголовном законе закреплены его базовые элементы — сами сроки, порядок их исчисления и уголовно-правовое последствие их истечения, нет оснований считать, что институт давности преступления является комплексным» (с. 12).

В противовес такой «чисто» уголовно-правовой интерпретации в столь же основательном диссертационном исследовании по специальности 12.00.09⁸ утверждается, что освобождение лица от уголовной ответственности за давностью носит комплексный характер (с. 10–14). Равно и весь институт освобождения от уголовной ответственности признается автором комплексным институтом уголовного и уголовно-процессуального права: «налицо регулирование двоякого рода отношений: уголовно-материальных и уголовно-процессуальных. В регулировании такого комплекса отношений участвуют нормы, различные по характеру... Но ни совокупность материальных норм, ни нормы процессуальные в отдельности не могут обеспечить цельного, относительно законченного правового регулирования освобождения от уголовной ответственности... Следовательно, говоря о “комплексных” институтах уголовного и уголовно-процессуального права, мы имеем в виду те правовые образования, уголовно-материальные и процессуальные нормы которых, будучи направленными на регулирование неразрывно связанных уголовных и уголовно-процессуальных отношений, вне связи друг с другом не могут обеспечить цельного, относительно законченного регулирования соответствующего участка общественных отношений» (с. 67, 68, 87, 92).

Примечательно, что и эти весьма ценные, с точки зрения понимания межотраслевой взаимосвязи, выводы дальше интерпретируются уже с позиций «ведущей» отрасли — на сей раз таковой становится уголовно-процессуальное право. При формулировании рекомендаций, адресованных законодателю, в части решения очень сложного вопроса о процессуальном порядке освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности при возражении против этого обвиняемого (подозреваемого), автор не смог выйти из «уголовно-процессуального образа». Его рекомендация такова: «если обвиняемый настаивает на продолжении производства по делу, обойтись без приговора невозможно.

⁸ См.: Лобанова Л.В. Юридическая природа и процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1986.

Приговор... может быть либо обвинительным, либо оправдательным. Признавая подсудимого виновным, суд выносит обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания» (с. 116–117). Однако эти правильные, с точки зрения уголовно-процессуального права, суждения неверны, с точки зрения материального уголовного права: освобождение от уголовной ответственности возможно только до момента постановления приговора.

Как видим, налицо неполнота межотраслевых выводов, удовлетворяющих нужды задействованных отраслевых наук по проблематике исследования: первый автор (З.И. Сагитдинова) даже и не стал обращаться к изучению этого сложного и до настоящего времени не разрешенного ни на законодательном, ни на правоприменительном уровне вопроса, а второй автор (Л.В. Лобанова) решил его в пользу права процессуального, без учета материально-правовой природы освобождения от уголовной ответственности.

Перспективный опыт межотраслевого исследования. Обязательным условием решения выявленных и описанных выше проблем является, на мой взгляд, преодоление отраслевого монизма как способа рассмотрения межотраслевых вопросов с позиций признания (вольного или невольного) существования ведущей отрасли и отрасли ведомой. Но, как думается, при проведении межотраслевых исследований единолично такое преодоление оказывается затруднительным в силу воздействия «отраслевого образа» исследователя, сформированного под воздействием внутренних (изначальный обязательный выбор специализации, накопленные знания, научный опыт в определенной отрасли и т.п.) либо внешних (жесткая номенклатурность научных специальностей, их паспортизация) причин.

Эффективным средством преодоления отраслевого монизма при проведении межотраслевых исследований и, соответственно, средством получения действительно комплексных результатов представляется создание научных коллективов, состоящих из разноотраслевых специалистов. В подтверждение этого тезиса позволю себе сослаться на личный опыт проведения такого исследования и поделиться им.

В 2012 г. кафедра уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета получила грант Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. на проведение научно-исследовательской работы (проекта) по теме «Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права» (соглашение 14. В37.21.0551). Ко времени начала исследования уже имелась масса работ, написанных по этой теме раздельно теоретиками уголовного права и учеными-процессуалистами⁹, но не было цельной, научно

обоснованной теории взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права. В указанных работах содержались разрозненные рекомендации по преодолению отдельных проявлений рассогласованности и (или) коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального права (причем иногда высказывались взаимоисключающие суждения), но не было целостной, завершенной, носящей межотраслевой характер концепции преодоления этой рассогласованности и коллизии.

Научно-исследовательская работа Башкирского государственного университета, в отличие от некоторых других, не являлась моноотраслевой по составу участников. В научный коллектив вошли специалисты в области уголовного права (М.Б. Кострова, З.И. Сагитдинова, И.В. Соколов) и в области уголовного процесса (Л.М. Аширова, Е.В. Бурьяева, Е.Г. Васильева, Е.В. Ежова, Р.М. Шагеева, А.Р. Шарипова)¹⁰. Такой подход, во-первых, усилил межотраслевой комплексный характер исследования, во-вторых, позволил сосредоточить внимание на неизученных либо малоизученных аспектах взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права, в-третьих, сместить акценты с общеизвестных, бесспорных или достаточно представленных в специальной литературе положений, оттеняя новые грани феноменологии взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права.

Проведенное в рамках проекта исследование позволило сделать немалое количество выводов, характеризующихся новизной как в теоретическом аспекте, так и в плане практической направленности¹¹. Приведу лишь некоторые из числа выводов, в совокупности составляющих теоретические основы согласования норм уголовного и уголовно-процессуального права, наиболее ярко иллюстрирующих возможности преодоления отраслевого монизма. Они заключаются в следующем.

1. С учетом сложной системы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права не существует единого подхода к установлению необходимости или отсутствия таковой в согласовании норм и нормативных предписаний уголовного и уголовно-процессуального законов.

бург, 1997; Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998; Шадрин Е.Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (проблемы рассогласования и согласования): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003; Гончаров Д.Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. М.: Ось-89, 2006.

¹⁰ В выполнении научно-исследовательской работы также участвовали аспиранты (А.А. Кулясов, Н.А. Чеснокова) и студенты (В.П. Ефремов, Д.А. Чигрин), что придает работе перспективность — они способны самостоятельно, в рамках других проектов продолжить начатые научные изыскания.

¹¹ См. об этом подробнее: Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. М., 2013.

⁹ См., напр.: Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982; Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург,

2. Необходимость или отсутствие таковой в согласовании находятся в зависимости от содержательной производности или непроизводности конкретного нормативного предписания закона одной отраслевой принадлежности от закона иной отраслевой принадлежности. При этом производность конкретного нормативного предписания обуславливается наличием его первичного «напарника» (в языковом аспекте — семантической предпосылки) в законе иной отраслевой принадлежности, непроизводность, соответственно, определяется по отсутствию такового. Содержательная принадлежность конкретного нормативного предписания к числу первичных, в свою очередь, устанавливается с учетом разделения компетенций уголовного и уголовно-процессуального права.

3. В своем отраслевом поле, ограниченном предметом правового регулирования, уголовно-процессуальный закон свободен в формировании и языковом выражении собственно процедурных правил — порядка осуществления процессуальных действий и принятия решений, не оказывающих влияние на решение вопросов уголовного права (например, о соединении, приостановлении уголовных дел, об ознакомлении с материалами уголовного дела и т.д.). Содержание и языковое выражение уголовно-процессуальных предписаний об удостоверяющих эти действия и решения процессуальных актах (например, о протоколах, в которых удостоверяются факт производства, содержание и результаты следственных действий, о постановлениях, содержащих решения о применении мер принуждения и т.д.) тоже не требует согласования с уголовно-правовыми предписаниями.

4. Производными уголовно-процессуальными предписаниями следует считать все те, содержание которых основывается на материально-правовых предпосылках. При регламентации таких предписаний, в особенности процедурных правил принятия и формирования содержания процессуальных решений материально-правового характера (то есть влекущих уголовно-правовые последствия), уголовно-процессуальный закон должен занимать подчиненную позицию: он обязан дословно воспроизводить терминологию уголовного закона, а также языковыми средствами адекватно выражать общий смысл уголовно-правового предписания — своего иноотраслевого «напарника». К числу таких процессуальных решений базового материально-правового характера относятся, в частности, следующие: о наличии или отсутствии основания уголовной ответственности, квалификации деяния (уголовно-правовой оценки деяния), то есть о преступности или не преступности совершенного общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом; о неподлежании уголовной ответственности; об освобождении от уголовной ответственности; об освобождении от наказания; о назначении наказания лицу, совершившему преступление; об иных

уголовно-правовых последствиях совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом (например, о применении принудительных мер медицинского характера).

5. Взаимное согласование требуется, прежде всего, при использовании понятийно-терминологического аппарата одной отрасли в другой, при этом оно должно быть именно взаимным, то есть осуществляться по двум направлениям: и при использовании понятийно-терминологического аппарата УК в УПК, и наоборот, — при использовании понятийно-терминологического аппарата УПК в УК. Связано это с особым значением понятий и терминов, формирующих содержание соответствующей отрасли права.

6. В бланкетных нормативных предписаниях закона одной отраслевой принадлежности, сформулированных путем прямой или подразумеваемой отсылки к закону иной отраслевой принадлежности, следует употреблять только ту терминологию, которая принята в актуальной редакции закона-«бланка».

7. Уголовный закон, устанавливая специальное правило назначения наказания, особенности которого обусловлены наличием уголовно-процессуальных норм, регулирующих особые процессуальные процедуры на судебной и досудебной стадиях уголовного судопроизводства, не может игнорировать функциональное предназначение этих процедур, поэтому формирование содержания таких специальных правил в УК должно осуществляться на основе учета специфики уголовно-процессуальной предпосылки.

Надеюсь, что, ознакомившись с данными выводами межотраслевого характера, никто не сможет упрекнуть их авторов в отраслевом монизме.

И еще один момент, весьма показательный для иллюстрации эффективности межотраслевых коллективных исследований. Тот же автор (З.И. Сагитдинова), став свободным от «отраслевого образа» (читай — защитивший диссертацию по специальности 12.00.08), выполняя исследование в составе двухотраслевого научного коллектива, обратился к упомянутой выше проблеме процессуального порядка освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности при возражении против этого обвиняемого (подозреваемого). И сумел разрешить ее на приемлемом для обеих отраслей права уровне¹².

Общим же результатом коллективного исследования стали разработанные теория взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права в целом и научные основы согласования норм уголовного и уголовно-процессуального права, отражающие современные потребности соответствующих

¹² См.: Сагитдинова З.И. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности: проблемы согласования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предписаний // Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. М., 2013. С. 256–257.

наук, законотворческой и правоприменительной практики.

Суммируя все вышеизложенное, считаю возможным заключить, что межотраслевые исследования можно признать одним из актуальных направлений развития современной российской юриспруденции. При условии преодоления исследователем или группой исследователей отраслевого монизма они способны дать такие научные результаты, которые недостижимы для моноотраслевых исследований. Кроме того, они обладают большим прагматическим потенциалом: их выводы двухотраслевой или полиотраслевой практической направленности способны быть тем научным фундаментом, который может и должен стать ориентиром для законодателя и правоприменителя в решении насущных проблем нашего государства и права.

Список литературы:

1. Благов Е.В. О смягчении наказания по уголовно-процессуальным основаниям // Уголовное право. 2013. № 4. С. 116–121.
2. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. М., 2006. 208 с.
3. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права: монография / под общ. ред. М.Б. Костровой. М., 2013. 296 с.
4. Гончаров Д.Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 187 с.
5. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. 112 с.
6. Ключников С.С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 28 с.
7. Кострова М.Б., Соколов И.В. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8). С. 69–82.
8. Лобанова Л.В. Юридическая природа и процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1986. 189 с.
9. Мясников А.А. Институт смягчения наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.
10. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. 410 с.
11. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. 208 с.
12. Сагитдинова З.И. Институт давности преступления по уголовному праву России: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2011. 266 с.
13. Шадрина Е.Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (проблемы рассогласования и согласования): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 197 с.

Interdisciplinary Research as an Important Direction of Development of Modern Russian Law

Kostrova M.B.

PhD in Law, associate professor of Criminal Law and Procedure Department of Institute of Law Bashkir State University
E-mail: kostrovam@mail.ru

Abstract. The article analyzes the reasons for the urgency of carrying out interdisciplinary research in the field of law, highlights the currently existing group interdisciplinary research and provides a brief General description. For example, two branch of science — criminal and criminal procedural law addresses issues that arise when conducting interdisciplinary research that have a negative impact on their effectiveness. The conclusion about the necessity of overcoming the sectoral monism as a way to address cross-sector issues from a position of recognizing the existence of a leading sector driven. As an effective means of overcoming sectoral monism when conducting interdisciplinary research and, accordingly, the funds get really complex results suggested the creation of research teams consisting of specialists of different branches carrying.

Keywords: Law, subject to industry research, monoacrylate studies, interdisciplinary studies, interdisciplinary, research, multidisciplinary nature, the branch monism, criminal law, criminal procedural law, the relationship of the criminal and criminal procedural law

References:

1. Blagov E.V. O smyagchenii nakazaniya po ugolovno-processual'nym osnovaniyam // Ugolovnoe pravo. 2013. № 4. S. 116–121.
2. Vasil'chenko A.A. Vzaimosvyaz' ugolovno-pravovyh i ugolovno-processual'nyh otnoshenii. M., 2006. 208 s.
3. Vzaimosvyaz' ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo prava: monografiya / pod obsh. red. M.B. Kostrovoi. M., 2013. 296 s.
4. Goncharov D.Yu. Vzaimosvyazi i kollizii norm ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva: dis. kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2004. 187 s.
5. Daev V.G. Vzaimosvyaz' ugolovnogo prava i processa. L., 1982. 112 s.
6. Klyushnikov S.S. Institut dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve i ego ugolovno-pravovoe znachenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2013. 28 s.
7. Kostrova M.B., Sokolov I.V. Naznachenie nakazaniya v sluchae zaklyucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: problemy vzaimosvyazi ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo prava // Biblioteka kriminalista. 2013. № 3 (8). S. 69–82.
8. Lobanova L.V. Yuridicheskaya priroda i processual'nye voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk. Yaroslavl', 1986. 189 s.
9. Myasnikov A.A. Institut smyagcheniya nakazaniya: problemy zakonodatel'noi reglamentacii i pravoprimeniya (po materialam sudebnoi praktiki Stavropol'skogo kraja): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2011. 24 s.
10. Pikurov N.I. Teoreticheskie problemy mezhotraslevykh svyazei ugolovnogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk. Volgograd, 1998. 410 s.
11. Proshlyakov A.D. Vzaimosvyaz' material'nogo i processual'nogo ugolovnogo prava. Ekaterinburg, 1997. 208 s.
12. Sagitdinova Z.I. Institut давности преступления по уголовному праву России: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2011. 266 с.
13. Shadrina E.G. Vzaimosvyaz' rossiiskogo ugolovnogo, ugolovno-ispolnitel'nogo i ugolovno-processual'nogo prava (problemy rassoglasovaniya i soglasovaniya): dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2003. 197 s.